

Легенда о Петербурге

Р. Г. Назиров

Санкт-Петербург, возникший из грязи финских болот по мановению безумной, всевластной руки, породил легенду.

Петр I имел массу врагов в своей стране. В их среде родилось проклятие Петербургу, зловещее предсказание о его скорой и неминуемой гибели.

Петербург, самый нерусский из всех городов России, населённый немцами и чухонцами, построенный в классическом стиле и потому казавшийся ненастоящим, искусственным, бутафорским городом, жил в атмосфере такой общенациональной ненависти, что сам себя подсознательно считал чем-то непрочным и преходящим.

История Петербурга полна легенд. Исторические легенды: что якобы княжна Тараканова погибла во время наводнения 1777 года, что в Михайловском замке бродил призрак удушенного Павла I и т. д. Вообще приведения — это нерусская болезнь, скорее это специальность англичан.

Из безумной роскоши екатерининского века, из стремительного расцвета Петербурга и предчувствия его неизбежного упадка родилась знаменитая аналогия: Северная Пальмира. Кто эти слова выдумал? Батюшков, Рылеев или Фаддей Булгарин? Неважно. Однако в чём суть аналогии? Рассмотрим вкратце.

Пальмира (или Тадмор) — древний город в оазисе Сирийской пустыни. В 1 в. до н. э. — 3 в. н. э. — центр одноимённого государства, включавшего Сирию и Египет и державшего в своих руках караванную торговлю западных стран с Аравией и Месопотамией. В 273 году н. э. Пальмира была завоёвана и разрушена римлянами.

«Пальмира» — это значит «город пальм». Теперь это деревня с остатками прекрасной колоннады и руинами храма. Некогда могущественный город под управлением царицы Зенобии. Разрушил её император Аврелиан.

Европейцы открыли руины Пальмиры в конце XVII века. Они увидели полуразрушенный храм Бэла (так у вавилонян назывался финикийский Ваал). Начался ажиотаж в науке, многочисленные сочинения о Пальмире.

Зенобия (Зенобия) — царица Пальмиры, жена короля Одената (Оденафа), побеждённая и взятая в плен Аврелианом в 272 году. Умерла в 274 году в плену. Во время короткого периода её царствования Пальмира была как бы столицей Востока.

Оденат (Септимус) — арабский князь, властитель Пальмиры, который заставил императора Баллиана признать за ним титул августа (священного). Септимий Август. Он был супруг знаменитой Зенобии и умер, убитый заговорщиками при её соучастии.

По преданию, Пальмира была основана иудейским царём Соломоном. Лежащий в оазисе Сирийской пустыни, между двумя враждующими великими державами — Римом и Парфией, город Тадмор первоначально возвысился как торговый посредник между Западом и Востоком. Через владения князей Пальмиры или благоустроенные караванные пути из стран, лежащих за Двуречьем, в Переднюю Азию.

В III веке н. э. Пальмира достигла наивысшего расцвета. Она связывала Рим и Египет с Персией и Индией. Город поражал иностранцев богатствами Запада и Востока, великолепной архитектурой храма Солнца, дворцами, башнями и арками. На Индийском океане плавал огромный по тому времени торговый флот Пальмиры, базами для которого служили порты на Ефрате. Но своего апогея Пальмира достигла при царе Одаинате, особенно после его смерти при царице Зенобии.

Пользуясь затруднениями Римской империи, Зенобия отделилась от Рима и подчинила себе Сирию и Египет. Этому феерическому возвышению царства пустыни положил конец император Аврелиан, который разбил войска Пальмиры и взял Зенобию в плен. Пальмира была отдана на разграбление легионерам, но город с его архитектурой и великими сооружениями был пощажён. Он был впоследствии разрушен землетрясениями.

В развалинах колоссального храма Солнца сохранилась скульптурная отделка, мощные стены и колоннады. О размерах этого храма свидетельствуют 930 колонн, которые служили для его опорой и украшением. От храма была проложена улица длиной в 1 километр, на всём протяжении окаймлённая двумя колоннадами; часть колонн сохранилась. Сохранились триумфальная арка, театр, караван-сарай, погребальный храм и некрополь¹.

Пальмира хранит следы раннего христианства и мусульманской цивилизации; над оазисом Тадмор господствует стоящая на вершине холма арабская крепость. Всё о Пальмире.

После этого бросается в глаза, что антономасию «Северная Пальмира» изобрёл вообще не русский! Это сравнение содержит в себе предсказание скорой гибели города после феерического взлёта. Зенобия, так внезапно вознёсшаяся и так павшая, ассоциируется с Екатериной II, также участвовавшей в заговоре против своего мужа. Мне кажется, ясно, что выражение «Северная Пальмира» появилось в XVIII веке и прямо восходило к политическим противникам Екатерины II.

В положительном смысле это выражение могли употреблять только люди, не знавшие древней истории. Пушкин нигде не употребляет это выражение.

Итак, в самом названии «Северная Пальмира», дожившем до XX века, скрыто пророчество о гибели Петербурга — города, который возник из ничего и за 100 лет превратился в одну из первых столиц мира.

Алексей Толстой в начале романа «Сёстры» обобщает историю и легенду Петербурга:

«Бродя по прямым и туманным улицам, мимо мрачных домов с темными окнами, с дремлющими дворниками у ворот, глядя подолгу на многоводный и хмурый простор Невы, на голубоватые линии мостов с зажженными еще до темноты фонарями, с колоннадами

¹В мае 2015 и в январе 2017 года большинство памятников архитектуры в Пальмире были разрушены боевиками организации «Исламское государство».

неуютных и нерадостных дворцов, с нерусской, пронзительной высотой Петропавловского собора, с бедными лодочками, ныряющими в темной воде, с бесчисленными барками сырых дров вдоль гранитных набережных, заглядывая в лица прохожих-озабоченные и бледные, с глазами, как городская муть, — видя и внимая всему этому, сторонний наблюдатель-благонамеренный-прятал голову поглубже в воротник, а неблагонамеренный начинал думать, что хорошо бы ударить со всей силой, разбить вдребезги это застывшее очарование.

Еще во времена Петра Первого дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору-худую бабу и простоволосую, — сильно испугался и затем кричал в кабаке: «Петербургу, мол, быть пусто», — за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно.

Так с тех пор, должно быть, и повелось думать, что с Петербургом нечисто. То видели очевидцы, как по улице Васильевского острова ехал на извозчике черт. То в полночь, в бурю и высокую воду, сорвался с гранитной скалы и скакал по камням медный император. То к проезжему в карете тайному советнику липнул к стеклу и приставал мертвец-мертвый чиновник. Много таких рассказней ходило по городу». [Пушкин и Гоголь, их сюжеты].

«Как сон, прошли два столетия: Петербург, стоящий на краю земли, в болотах и пусто-росях, грезил безграничной славой и властью; бредовыми видениями мелькали дворцовые перевороты, убийства императоров, триумфы и кровавые казни; слабые женщины принимали полубожественную власть; из горячих и смятых постелей решались судьбы народов; приходили ражие парни, с могучим сложением и черными от земли руками, и смело поднимались к трону, чтобы разделить власть, ложе и византийскую роскошь.

С ужасом оглядывались соседи на эти бешеные взрывы фантазии. С унынием и страхом внимали русские люди бреду столицы. Страна питала и никогда не могла досыта напиться кровью своею петербургские призраки.

Петербург жил бурливо-холодной, пресыщенной, полуночной жизнью. Фосфорические летние ночи, сумасшедшие и сладострастные, и бессонные ночи зимой, зеленые столы и шорох золота, музыка, крутящиеся пары за окнами, бешеные тройки, цыгане, дуэли на рассвете, в свисте ледяного ветра и пронзительном завывании флейт-парад войскам перед наводящим ужас взглядом византийских глаз императора. Так жил город».

Картина живописная, хотя романтически условная и односторонняя. Петербургская легенда: это трупы, в которые забиты сваи первых дворцов, это смерть царевича Алексея Петровича, это княжна Тараканова в заливаемом водой каземате крепости, это Казанова, который хотел стать фаворитом Екатерины и бежал, спасаясь от друзей Гриши Орлова, это призрак удушенного Павла, бродящий по Михайловскому замку, это граф Калиостро, показавший Зоричу беспроегрышную комбинацию в фараоне, это Медный всадник, скачущий по городу во время наводнения, и чёрт на извозчике, и призрак чиновника, крадущий шинели, и тайные оргии адамистов, и морганистический брак Екатерины II с князем Потёмкиным-Таврическим, и многое-многое другое. Легенда и быль переплетались, образуя фантастическую картину города, где могут случаться самые удивительные вещи.

И в подсознании петербургской легенды, под всеми белыми ночами, любовными историями и пушечными выстрелами в моменты подъема Невы, таится тревожная мысль о старом пророчестве: «Петербургу быть пусту!»

Инок Филофей ещё возвестил «Два Рима пали, а третий стоит. Четвёртому не быть».

Петербург, затмивший святую первопрестольную Москву, напоминал русским людям об участи Содома и Гоморры, истреблённых господним гневом.

Безумие и призраки — вот две главные линии «петербургской литературы», начиная от «Медного всадника».

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы не обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжёлым топотом скакал.

Безумие — лейтмотив петербургских повестей Гоголя.

У Достоевского: безумие Катерины («Хозяйка»), господина Прохарчина, Голядкина, видения Свидригайлова, безумие князя Мышкина и т. д.

Галлюцинации и кошмарные сны. Необъяснимые события вроде исчезнувшего со стен портрета Гоголя. Призрак Акакия Ивановича. Призраки в снах Раскольникова и Свидригайлова.

Бред и явь мешаются, их трудно отличить. Это не Гофман с его чётко проведённой дуэлановостью, это фантастическая случайность города, где всё возможно.

Петербург, подобно древней Пальмире, казался людям исторической случайностью, мимолётным капризом рока. Он не вырос органически и постепенно, подобно иным городам, а возник предумышленно и мгновенно, по произволу насильника-властителя, в совершенно неудобном для города месте, в плохом климате, в опасном соседстве моря. Такой сумасшедший город должен был погибнуть. Но он устоял.